

Цикл
Александра Плетнёва
Проект «Орлан»

Одинокий рейд
Курс на прорыв

Александр Плетнёв

КУРС НА ПРОРЫВ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
ПЗ8

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 123

Оформление *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

ПЗ8 Плетнев, Александр Владимирович

Проект «Орлан»: Курс на прорыв: роман / Александр Плетнев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-106191-3

Тяжёлый атомный ракетный крейсер «Пётр Великий» провалился из наших времён в южную Атлантику 1982 года неподалеку от территории Фолклендского конфликта — двухсотмильной зоны англо-аргентинской войны.

Советское руководство открестилось от них, британцы объявили пиратами, и экипаж корабля был вынужден вступить в войну под аргентинским флагом.

Но когда спецслужбы США узнали о необычном происхождении корабля, янки вынудили Аргентину отказаться от его помощи и попытались захватить ценный артефакт.

И командир крейсера принял решение войти в Тихий океан с конечной целью — база ВМФ СССР во Вьетнаме (Камрань). Но сначала надо разобраться с американцами, которые не намерены отступать и готовят широкомасштабную акцию по перехвату крейсера!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106191-3

© Александр Плетнев, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ТЯЖЁЛЫЙ АТОМНЫЙ РАКЕТНЫЙ КРЕЙСЕР «ПЁТР ВЕЛИКИЙ»

Что же, что со мною стало?
Я прибой, я бьюсь о скалы.
Или скалы бьют по волнам,
Или сами мы не вольны.

От силы два метра в секунду — при таком ветре океан любезен. Сталюка форштевня мощно и смачно резала волну. Даже не волну — бирюзовую гладь, податливую, ласковую на взгляд, как нежная притягательная баба. И почему такой приятный цвет, как голубой, отдали срани человеческой — педикам?

Причём океан играл разными цветами: притягательно нежными — голубыми, салатными, утопая в иссиня-зеленой глубине переливов.

И небо! Всё того же цвета — окрыляющего, звенящего и пронзительно-ясного. Солнце уже отлипло от горизонта, пальца эдак на два. Океанская идиллия.

На мостике вахтенные, дежурный по кораблю, на руле главный старшина.

Штурман с секстантом в руке вышел на крыло погонять молодого мичмана в астронаблюдениях, заодно и координаты подкорректировать. Тут же командир, небрежно облокотившийся на планширь.

Мичман примерялся секстантом к солнцу и горизонту, диктуя отсчёт. Кап-три поглядывал на наручные

часы-хронометр, фиксировал моменты измерения, за-
нося в блокнот.

— Подождём, пусть поднимется выше, — сказал
штурман, имея в виду солнце, — повторим.

— Что, Виктор Алексеевич, не ловится широта? —
глядя на эти манипуляции, спросил командир. —
Погодка-то....

— Затишье, как перед бурей....

— Бури не хочется, но и такое ясное небо нам на
фига? Нам бы тучки поплотнее, но природа такие ка-
призы не предусмотрела.

— Ну почему же? Может, поискать какой-нибудь
заваливший циклончик или тучки-дождики?

— А ведь верно! — обнадёжился Терентьев. — Ну
как засветимся?

— С утра на востоке краснó шибко было — навер-
няка избытие влаги. Но там острова эти клятые ан-
глийские... Озадачим наших трудяг-вертолётчиков?

— Загоняли мы летунов, но придётся, — принял
предложение штурмана Терентьев.

Увидев любопытство и недоумение в лице мичма-
на, кивнул тому, давая добро:

— Что хотел спросить?

— Так как же это, товарищ командир, дождь поис-
кать? Горизонт чист...

Перекинувшись улыбками с штурманом, Терен-
тьев пояснил:

— Да тут наука нехитрая. Дать команду эртээсни-
кам на поиск загоризонтной РЛС чего-нибудь типа
гор-холмов. А так как вокруг нас сплошной океан
и даже до английских островов миль двести пятьде-
сят, то если чего и обнаружится весомое, то это на-
верняка будет скопление тяжёлых дождевых обла-

ков над поверхностью океана. И поскольку мы уже в тропических широтах, то образование оных весьма вероятно.

— Только вот засвечивать себя работой мощной РЛС нежелательно, — подключился к разьяснениям штурман, — поэтому попробуем использовать вертолётную разведку. У них локаторы имеют другой «почерк», и высота обзорная позволит «разглядеть» желаемое.

Не прошло и получаса, как по УКВ пришёл сигнал от «камова» на левом секторе поиска, что искомые образования наблюдаются в юго-западном направлении на расстоянии 50 миль.

Несомненно — уход от генерального курса, но, пройдя эти нужные мили, уже через 40 минут крейсер поднырнул под первые клочки хмари и порывистого ветра, укрываясь на всякий случай от ползущего по орбите ока.

А потом ливанула стена самого настоящего тёплого тропического душа, которая словно вылизала и согрела все «косточки» корабля после стылых антарктических широт.

Но увлекаться не стали. Поскольку высокие ветра теперь тянули на запад, чтобы не сходить с главного направления, держались по самой кромке дождевого фронта, благо тот был основательно растянут по широте.

Время и расстояние сжиралось, наматываясь оборотами турбин и шестерёнками хронометров.

Понималось — опять забрели в такую глухомань, что командир снял боевую готовность. Частично. До уровня № 2. Ко всему надо было дать передых

БЧ-5, в том числе и механизм, гнавшим крейсер в течение шести суток при максимальных нагрузках.

Так и брели в среднем шестнадцатиузловым ходом сквозь гигантство Тихого, следуя за циклоном, а потому отклоняясь слегка к западу. Периодически в угоду акустикам сбавляли до двенадцати, а потом навёрстывали двадцатиузловым. Зато экипажи «камовых» прохладжались наконец-то.

— На сутки-двое дольше и дальше, зато-о-о...

И Терентьев задирает голову вверх, где ползли тучки. Улыбался, ловя на лицо долетавшие тёплые капли.

На мостике его и нашёл особист. Улыбаться сразу расхотелось — не лейтенанту же. А тот как всегда держался подчёркнуто сухо, на субординации, да и не ждал Терентьев от него особо приятных вестей.

— Какие-то важные сведения, лейтенант?

— Цэрэушник знает наверняка больше, чем выложил нам. Вот что удалось ещё вытянуть из него. Я подумал, что это следует принять к сведению, как любопытную информацию, — он достал из папки пару листов формата А4 с печатным текстом, — есть и аудио-запись, а тут основное.

— Суть, — Терентьев не спешил брать листы.

— Англия, — лейтенант чуть замешкался, бросив взгляд на записи. Но не стал зачитывать, а продолжил своими словами: — Англия, как известно из эфира, обвинила нас в пиратстве и конкретно в потоплении их подлодки «Конкерор». Американцы вместе с тем по своим агентурным каналам узнали, что командир крейсера «Генерал Бельграно» получил награду и очередное звание за то же самое! Однако Буэнос-Айрес

это не афишировал. В итоге в ЦРУ выяснили, что разведка латиносов намеренно подкинула британцам дезу. Далее...

— Суть ясна, — прервал его Терентьев, забирая распечатку, — есть что ещё?

— Всё!

— Можете идти.

Бегло просмотрев текст допроса, бормоча проклятья... и покруче — совершенно в непечатном варианте... не вслух... нечего сигнальщикам топырить уши. Свернул листы и засунул во внутренний карман кителя. «Всегда неприятно понимать, что тебя использовали! Пусть эта парочка Скопин—Харегов по сути спровоцировали, но! Но каковы аргентинцы, а?! И англов развели, и нас втянули. И я, блин...»

Терентьев помнил все переговоры с представителями Буэнос-Айреса, не дословно, но основные и ключевые моменты. «Аргентинцы не ввали. Я бы почувствовал. Им и не надо было — предоставили подтасованные факты».

Теперь попытался воссоздать, почувствовать тогдашнее своё настроение.

«Словно вокруг нас закрутился водоворот событий, и я позволил втянуться в эту воронку. Вольно или невольно».

Уже к вечеру стало понятно, что циклон выдохся, и серая завеса разбилась на отдельные белые кучеряшки, в которых солнце благополучно и утонуло.

На руле отыграли вправо, и крейсер снова стал полого взбираться к северу, выдерживая западные румбы.

* * *

Ночь прошла спокойно, а на рассвете в «пассиве» срисовали работу локатора с северных направлений. На пределе дальности. По смещению азимута поняли — самолёт. То маякующий, то исчезающий «глазок» чужого локатора проследовал с востока на запад. Потом пропал. Через полтора часа сигнал вернулся, следуя обратным маршрутом, и, судя по усилившемуся сигналу — был уже ближе.

И в небе, как назло, ни облачка.

— Американе, больше некому, — заверил командир БЧ-7.

— А не «пассажир» на Таити?

— Это не гражданская РЛС. И потолок не соответствующий рейсовикам. Целенаправленно шарится. Смею предположить, что нас всё-таки потеряли и теперь разыскивают, — сдержанно пояснил эртээсник. — Согласен, что не очень рьяно, но представьте, какие им квадраты надо покрыть. Он, конечно, не круги нарежет, но явно расширяет зону поиска, и скоро мы попадём под его принимающие антенны.

— И чего людям неймётся? — риторически посетовал штурман.

— Такой выбор природы: лучшее развлечение для человека — это другой человек. Хотя я бы предпочёл женское внимание.

— Так у них и бабы в экипажах есть...

— Нам всё равно не оторваться при его настырности. Скоро вообще войдём в обжитые районы, — Терентьев вопросительно посмотрел на штурмана. — Пойдем ещё раз покумекаем над картой, куда нам направить свои стопы. Чего там твои штурманята интересного расскажут?

Перешли в центральную штурманскую рубку.

Младшие штурманá склонились, нависнув над прокладочным столом. Вооружившись измерителями и карандашами, «ползали» по развёрнутой карте, сверяясь с тут же мерцающим дисплеем навигационно-информационной системы, где изображались электронные карты из будущего. По ходу они, увлѣкшись, о чём-то спорили, тихо без злобы переругиваясь и не без матерка, естественно. Заметив вошедших командиров, осеклись, вытянувшись.

Дело в том, что Терентьев не поощрял мат на корабле. То есть понимал и принимал, как... как однажды выразился умничающий Скопин, «эмоциональное речевое усиление». Или, например, просто в анекдотах (как говорится, из песни слов не выкинешь), но не любил засорять речь. И подчинѣнных гонял.

Понимая, что нынче не до воспитательных моралей, командир поспешил разрядить напряжение, стаскивая за козырёк пилотку, дескать, разговор пойдёт в неуставном формате «беседа».

— Ну, давайте, дети линейки и циркуля, рассказывайте, что нарыли и что не поделили?

— Дело в том, — начал младший лейтенант — старший вахты, — что без лоцмана, даже имея данные из электронки, на большом ходу пройти Полинезию вблизи островов будет сложно. Мы уже имеем значительную навигационную погрешность. Конечно, проходя мимо обозначенного на карте острова — будет к чему привязаться и провести уточнение...

— А зачем совсем близко подходить к островам?

— Даже если нам сейчас не удастся обмануть спутники-шпионы, в «тени» островов (а их там сотня)

можно достаточно эффективно затеряться и маскироваться от РЛС противника. И корабельных, и воздушных. Многие острова и атоллы так и вовсе необитаемы, которые посещают только рыбаки и туристы. Я это помню из рекламных буклетов турфирм.

— А ты там руссо-туристом бывал?

— Нет, по деньгам не сложилось. Но собирался, потому проспекты проштудировал.

— А это не те ли атоллы, где французы ядерные испытания проводили? — снисходительно спросил штурман и хмыкнул, надменно глядя на зависшего младлея. — Вы, салаги, по туристическим картам будете прокладку проводить? Стратеги-тактики, блин. А ну дай взгляну!

Мыча какую-то мелодию, штурман бегло пролистал журнал с картинками. Потом раскрыл на дисплее свои электронные карты.

— В общем, не бойсь, сейчас никаких испытаний не проводят. А значит, и на Таити всё спокойно — у французов там база ВМФ. На ходу от силы пара корветов и патрульный фрегат. Мы туда, естественно, не пойдём. Но мысль (спрятаться) здравая. Только, пожалуй, вот тут — архипелаг Тубуаи.

— Есть где отстояться? — заинтересовался Терентьев.

— Первым плюсом — близко, вторым — необитаемые скалы. Но лоций нет, — сразу осадил штурман.

— Так! — Задумался командир, уставившись на карту. — Торопистикой пока заниматься не будем! Если разведчик и появится, то на раковине. Мы сразу отворачиваем к югу, увеличивая дистанцию. На сред-

нем ходу через час — час двадцать будем у этой группы остовов, Маро... — Терентьев стал хлопать себя по карманам в поисках очков.

— Маротири, — быстро прочитал название младлей.

Гладко не получилось — пост радиотехнического слежения выдал пеленг на работу РЛС с неприятной дистанцией.

— Он взял много южнее!

— Так! Аллюром! — Командир и штурман уже в ходовой рубке.

Переложен руль. Поворот циркуляцией влево. Машинный телеграф отзвывал «самый полный».

Уже через двадцать минут сигнальщики доложили, что в визир наблюдают по курсу остров. Пока ещё чёрным пятнышком на горизонте.

— Успеваем? — Командир вперился в оператора поста РТС. Получив внятное подтверждение, успокоился. — Отлично!

— Нервничаешь? — Штурман возился со своими линейками на карте. — Нам лучше укрыться за так называемым островом Южный. Увесистая скала, даже выше наших мачт. Точные координаты острова имеем, теперь и привязку.

— Не нервничаю. Просто волнуюсь. Почувствуй разницу, — Терентьев попытался найти остров прямо из рубки, подняв бинокль, но было ещё рано для его кратности.

Ещё через двадцать минут из единой цели можно было определить отдельные сегменты, выделяя отстоящий чуть в стороне искомый Южный.

Вскоре вся группа островов уже чётко просматривалась невооружённым глазом, кроме только что дальнего — Западного, прикрытого (из-за курсовых углов корабля) частично Центральным.

— Теперь внимание на эхолоте! Обойдём слева, потому что от центра группы скалы и рифы.

Показание на лаге опустили до 12, затем 10 узлов, пришлось даже отработать «малый задний», пока крейсер не стал аккуратно ползти на 5 узлах, сразу потеряв маневренность, став безобразно неуклюжим на малом ходу.

Теперь в рубке особо громко выделялся голос старшины, следящего за показаниями эхолота.

Обогнули остров вокруг южной оконечности, и дальше уж совсем ползком, немного доворачивая на западную сторону.

— Видишь, слева скала!

Чёрный «окурок» был едва заметен, но белый бурн выдавал опасность налицо.

— Между островом и этим рифом, вероятно, проходит изобата.

— Есть донный подъём, — известил старшина за экраном эхолота, — но проходим с запасом и по обоим бортам.

Несмотря на показания навороченной аппаратуры, не доверять которой было бы странно, всё равно почему-то бродил неприятный холодок опасения зубовного скрежета днищем о скалы. Мало ли...

— Приготовиться отдать якорь!

Штурман, не мудрствуя, взял пеленгом торчащую наивысшую точку острова и вовсе не на глазок определял расстояние до места.

— Отдать правый! — приказал командир и тут же команда на бак: — Не задерживать якорь-цепь!

Машинный телеграф дважды отыграл на «Стоп». Эту же команду репетовали в ПЭЖ.

Теперь поддерживали связь с баком, постоянно подтверждая им, чтобы не задерживали якорь-цепь, докладывая, сколько метров на клюзе.

По показаниям эхолота — глубина места 50–70 метров.

Как только машины забрали, инерция крейсера стала снижаться. После команды «выбирать якорь-цепь!» корма продолжала медленный дрейф, в свою очередь нос корабля становился на ветер.

Штурман смотрел на свои ориентиры.

С бака доложили:

— На клюзе двести!

— Отдать левый!

Влияние ветра резко ослабло. Крейсер стал на оба якоря.

Конечно, воздушная обстановка, пусть и в пассивном варианте, не оставалась без внимания. Но пока происходило опасное маневрирование у скал, контроль за самолётом противника был отдан на откуп вахте РТС, оператор которой, не повышая голоса, регулярно доносил о местоположении воздушного разведчика.

Импульсы чужого локатора «оседали» на приёмных антеннах корабля, позволяя по силе сигнала и смещению пеленга на источник отслеживать траекторию полёта носителя.

Оператор монотонно бубнил все принимаемые характеристики, выраженные в скучных цифрах, тогда как Терентьев, вернув своё участие в проблеме, мог выразиться более непринуждённо: